

Михаил Михайлович Филиппов

**Блез Паскаль. Его
жизнь, научная и
философская деятельность**

Михаил Михайлович Филиппов
Блез Паскаль. Его
жизнь, научная и
философская деятельность
Серия «Жизнь замечательных людей»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175390*

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА I	13
ГЛАВА II	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

**Михаил Михайлович
Филиппов
Блез Паскаль. Его
жизнь, научная и
философская деятельность**

*Биографический очерк М. М. Филиппова
С портретом Паскаля, гравированным в
Лейпциге Геданом*

ПРЕДИСЛОВИЕ

О жизни и философии Паскаля было высказано много противоречивых мнений; и до сих пор еще трудно указать хотя бы одно исследование о Паскале, не имеющее характера либо защитительной речи, либо обвинительного акта. Даже в самое новейшее время французский академик Нури-сон счел необходимым написать пространную “Защиту Паскаля” (*Defense de Pascal*) и ломать из-за него копья с писателями XVIII века. Это не помешало тому же Нурисону умалить значение научных открытий Паскаля, приписав одно из них внушению Декарта.

Что касается нас, то мы не задаемся целью ни обвинять, ни защищать. Паскаль был сыном XVII столетия и разделял недостатки своего времени. Если Ньютон, живший позднее Паскаля, мог писать примечания на Апокалипсис, лишённые всякого, даже литературного, значения, то и Паскалю можно было бы не вменять в вину подобных богословских упражнений. Но надо обладать, слишком большою смелостью, чтобы не признать за Паскалем совершенно определенного и весьма почетного места в истории философии и в истории развития христианства. Одной борьбы Паскаля с иезуитами достаточно для обеспечения ему благодарности потомства. Как философ Паскаль представляет в высшей степени своеобразное соединение скептика и пессимиста с искренно верующим мистиком; отголоски его философии можно встретить даже там, где их менее всего ожи-

даешь. Многие из блестящих мыслей Паскаля повторяются в несколько измененном виде не только Лейбницем, Руссо, Шопенгауэром, Львом Толстым, но даже таким по-видимому противоположным Паскалю мыслителем, как Вольтер. Так, например, известное положение Вольтера, гласящее, что в жизни человечества малые поводы часто влекут за собою огромные последствия, навеяно чтением “Мыслей” Паскаля. Паскаль говорит, например, что все результаты политической деятельности Кромвеля погибли оттого, что в его мочевой пузырь попала песчинка, и это повлекло за собой каменную болезнь. Вольтер в свою очередь заявляет, что все крайние революционные действия Кромвеля были вызваны состоянием его пищеварения. Подобных далеко не случайных аналогий между Паскалем и Вольтером можно было бы привести десятки. Весьма многие аргументы Вольтера против иезуитов взяты им у Паскаля, и можно даже сказать, что Вольтер относится гораздо снисходительнее к “достопочтенным отцам”, чем Паскаль,

Иезуиты предавали Паскаля анафеме; некий отец Гардуен произвел его даже в атеисты. Янсенисты сделали из него своего святого; философы XVIII века провозгласили Паскаля полупомешанным. Те и другие не издавали, а искажали его сочинения, причем янсенисты вычеркивали все, что им казалось неблагочестивым, а Кондорсе и другие писатели прошлого столетия старались выбросить все слишком благочестивое.

В одном сходились почти все писавшие о Паскале: все удивлялись разнообразию, силе и чрезвычайно раннему развитию его гения. Кондорсе, насмехаясь над исповедью Паскаля, которую он первый прозвал “амулетом”, написал, однако, похвальную речь научным его открытиям. Вольтер счел необходимым переиздать “Мысли” Паскаля, снабдив их в виде противоядия своими примечаниями. Суждения Вольтера о Паскале, впрочем, настолько любопытны, что не мешает привести их хотя бы в извлечениях. Посмеявшись самым жестоким образом над оптимизмом в своем “Кандиде”, где досталось Лейбницу, Вольтер с таким же остроумием обрушился на пессимизм Паскаля, сказав об этом философе:

**Cepieux misanthrope, Heraclite sublime,
Qui pense qu'ici bas tout est misere et crime.¹**

“Мне кажется, – писал Вольтер в своих примечаниях к “Мыслям” Паскаля, – что общий дух произведений Паскаля – изображение человека в самом ненавистном свете; он с ожесточением рисует нас всех злыми и несчастными; он пишет против человеческой природы почти так же, как писал против иезуитов. Он приписывает сущности нашей природы то, что принадлежит лишь известным людям, и самым красноречивым образом поносит человеческий род. Я осмеливаюсь принять сторону человеческого рода против

¹ Этот благочестивый человеконенавистник, возвышенный Гераклит, думающий, что в этом мире все – одно только несчастье и преступление.

этого возвышенного человеконенавистника; я смею утверждать, что мы вовсе не так злы и не так несчастны, как полагают”.

В другом месте Вольтер пытается не только опровергнуть Паскаля, но и объяснить причины его пессимизма. “Мысли Паскаля, говорит Вольтер, принадлежат не философу, а энтузиасту. “Если бы книга, задуманная Паскалем, была построена из таких материалов, это было бы чудовищное здание, сооруженное на песке. Но он не мог соорудить его не только по недостатку знаний, но и потому, что в последние годы его недолгой жизни мозг его расстроился”. Ссылаясь на показания Лейбница и других писателей, Вольтер пытается доказать, что Паскаль в последние пять-шесть лет своей жизни был полупомешанным, причем замечает: “Эта болезнь несколько не более унижительна, чем горячка или мигрень. Если великий Паскаль был поражен ею, то ведь это Самсон, потерявший свои силы. Из всех этих вечных диспутантов один Паскаль остается, потому что он один был человеком гениального ума. Он один стоит на развалинах своего века”.

Этот взгляд на Паскаля, подкрепленный блестящими изречениями Вольтера и других энциклопедистов XVIII века, был в продолжение долгого времени господствующим. Он всецело отразился в замечательном для своего времени исследовании, написанном в сороковых годах настоящего сто-

летия врачом Лелю:² автор этой работы весьма искусно сопоставил все известные в его время факты, так или иначе свидетельствующие о ненормальности душевного состояния Паскаля. К тому же взгляду отчасти склоняется и французский философ Кузен, весьма часто порицающий мнения Паскаля, но оправдывающий их болезнью этого великого человека.

Совершенно противоположный взгляд развивается во Франции целым рядом писателей, начиная с янсенистских богословов и кончая Сент-Бевом и академиком Нурисоном. Для них нравственно-философское учение Паскаля является чистейшим выражением христианства, и, охотно допуская какие угодно промахи Паскаля в личной жизни или даже в области науки, они не позволяют ни малейшего посягательства на Паскаля как на автора “Мыслей”, являющихся программой задуманной им апологии христианства.

Все эти защитительные и обвинительные речи имели свое значение в XVII и в XVIII веке, но давно пришла пора отнестись к жизни и деятельности Паскаля с полной объективностью; а при таком беспристрастном взгляде нельзя не увидеть, что как адвокаты, так и прокуроры его впадали в явные преувеличения.

Что касается болезни Паскаля, то, во-первых, никак нельзя считать эту болезнь помешательством. В XVIII веке – и

² De l'Amulette de Pascal, étude sue le rapport de la santé de ce grand homme a son génie, par le docteur Lulut, 1846.

еще более теперь, в конце XIX – слишком часто смешивали и смешивают всякого рода экстазы с сумасшествием; были попытки даже провести полную аналогию и установить тесную связь между всякого рода гениальностью и помешательством. Паскаль был постоянно болен, но помешанным его нельзя назвать ни в один период его жизни, даже тогда, когда он находился под влиянием сильнейшего религиозного экстаза. Сверх того, болезни Паскаля во многих случаях были никак не причиною, а следствием его чрезмерной и в этом смысле ненормальной умственной деятельности. Человек, обладавший такою поразительною силою воли, какую мы увидим у Паскаля, никак не мог подчиняться влиянию дурного пищеварения в такой степени, чтобы этому влиянию можно было приписать все направление его философии. Одно несомненно, это тот факт, что постоянная болезнь, затруднив научные работы Паскаля, направила его ум слишком исключительно к другой области, и только в этом смысле можно сказать, что болезнь Паскаля сделала его из физика мистиком. Это влияние болезни признавал он и сам, на что не раз указывал в своих сочинениях.

Но, отвергая слишком односторонние суждения философов XVIII века, еще труднее принять точку зрения тех писателей, для которых Паскаль является недостижимым нравственным авторитетом и которые готовы забыть о его истинных заслугах, лишь бы признать в нем великого религиозного проповедника. Это обратная и, пожалуй, еще менее осно-

вательная крайность.

ГЛАВА I

Детство Паскаля. – Раннее развитие. – Что в XVII веке считалось “чудом”. – Смерть матери. – Влияние отца. – Изобретение двенадцатилетним Паскалем геометрии

Блез Паскаль, сын Этьена Паскаля и Антуанетты, урожденной Бегон, родился в Клермоне 19 июня 1623 года.

Вся семья Паскалей отличалась выдающимися способностями. Отец Паскаля, человек высокообразованный, знал языки, историю, литературу и был хорошим математиком; старшая сестра Блеза, Жильберта, была одною из ученейших женщин своего времени и занималась под руководством отца математикой и латынью; ей же принадлежит самая полная современная биография ее знаменитого брата. Младшая сестра Паскаля, Жаклина, отличалась поэтическим и сценическим талантом. Что касается самого Паскаля, он с раннего детства обнаруживал признаки необыкновенного умственного развития.

Любопытный факт, относящийся к младенческим годам Паскаля, сообщается в краткой биографической заметке, составленной племянницей Паскаля, дочерью его старшей сестры, также унаследовавшей литературные склонности семьи.

Когда Паскалю исполнился год, с ним, по словам его племянницы, приключилось “нечто необыкновенное”. Мать Паскаля была женщина очень молодая, но тем не менее весьма серьезная. Она была “очень набожна и весьма щедра к бедным” — черты, которые мы впоследствии встретим у самого Паскаля. В Клермоне жила, между прочим, одна бедная женщина, которую все считали ведьмой; но мать Паскаля не была суеверна, смеялась над бабьими сплетнями и продолжала подавать этой женщине милостыню. Однажды с маленьким Паскалем приключилось странное нервное расстройство, вроде припадка падучей болезни. Болезнь эта сама по себе была в то время весьма распространена между детьми и получила даже особое название (в Париже ее называли *tomber en chartre*), но у Паскаля нервные припадки сопровождались особого рода водобоязнью: один вид воды вызывал у него конвульсии. Сверх того, у маленького Паскаля было замечено следующее: годовалый ребенок ревновал мать к отцу. Он очень любил, когда отец и мать ласкали его порознь; но стоило отцу приласкать при нем мать или даже подойти к ней, ребенок начинал кричать, с ним делались судороги и он впадал в совершенное изнеможение.

Все знакомые и приятели Паскалей были твердо уверены, что ребенок околдован и что его сглазила ведьма. Родители Паскаля сначала смеялись над этим мнением, но состояние ребенка ухудшалось, и наконец сомнения отца Паскаля поколебались. Чтобы убедиться окончательно в виновности

или невинности ведьмы, Этьен Паскаль призвал женщину в свой кабинет и стал ее допрашивать. Женщина приняла вид угнетенной невинности. Тогда отец Паскаля переменил тон.

– Я знаю, что ты околдовала моего ребенка, – сказал он, – и если ты сейчас же не сознаешься в вине, я доведу тебя до виселицы.

Тогда мнимая колдунья бросилась на колени и стала каяться так чистосердечно, что наконец сам Этьен Паскаль поверил ей; а хитрой женщине только этого и было надо. Она рассказала, что будто бы желала околдовать ребенка в отместку за то, что Паскаль, занимавший должность по финансовому ведомству, отказался от ходатайства по ее тяжёбному делу, которое оказалось неправым.

– Чтобы отомстить вам, – сказала женщина, – я наговорила на вашего ребенка смерть.

Испуганный не на шутку отец воскликнул:

– Как! Неужели мой ребенок должен умереть?

– Есть только одно средство, – сказала женщина, – надо, чтобы кто-нибудь другой умер за него.

– Нет, – ответил Этьен Паскаль, – я не хочу, чтобы кто-либо другой пострадал за меня или даже за моего ребенка.

– Не тревожьтесь, – возразила старуха, – я могу перенести его жребий на какое-либо животное.

Этьен Паскаль предложил лошадь, но женщина удовольствовалась кошкой, которую “заговорила” самым первобыт-

ным способом, а именно, выбросила из окна и разбила ей голову. Затем она приложила ребенку какую-то припарку к животику. Когда отец Паскаля возвратился домой со службы, он застал всех домашних в слезах, а ребенок лежал как мертвый. Отец выбежал из комнаты и, встретив на лестнице мнимую ведьму, дал ей такую пощечину, что женщина скатилась со ступеней. Нисколько не смутившись, она встала и сказала, что ребенок жив и “отойдет” до полуночи. Действительно, маленький Паскаль “отошел”, но когда отец приблизился, в виде опыта, к матери, ребенок опять стал метаться и кричать, и только через несколько недель эта странная ревность прошла. Тем не менее все уверовали в чудесную силу ведьмы.

Маленький Паскаль потерял мать, когда ему было всего три года, и эта утрата во многих отношениях определила его судьбу. Паскаль был единственным сыном у своего отца, и последнее обстоятельство вместе с удивительными способностями ребенка побудило отца много заниматься его умственным воспитанием; но из-за отсутствия матери физический уход за ребенком был плох, и еще в детстве Паскаль не отличался крепким здоровьем.

Паскаль никогда не посещал никакой школы и не имел другого учителя, кроме своего отца.

В 1631 году, когда маленькому Паскалю было восемь лет, его отец переселился со всеми детьми в Париж, продав по тогдашнему обычаю свою должность и вложив значительную

часть своего небольшого капитала в Отель де-Вилль.

Имея много досуга, отец почти исключительно занялся умственным воспитанием сына.

Сестра Паскаля уверяет, что отец всячески старался умерить пыл ее брата к занятиям. Отчасти это справедливо – но только по отношению к самым ранним отроческим годам Паскаля.

В те времена нередко обучали латыни восьмилетних детей, но отец Паскаля решил начать с ним латынь, когда мальчику исполнится двенадцать лет, а тем временем преподавал ему общие правила грамматики и, насколько можно судить по немногим имеющимся сведениям, преподавал гораздо более толково, чем тогдашние школьные учителя.

Маленький Паскаль отличался замечательной понятливостью и любознательностью. Отец часто рассказывал ему вещи, могущие поразить воображение ребенка, но Блез тотчас доискивался объяснения и никогда не довольствовался плохим или неполным ответом. У него была замечательная способность отличать истину от лжи. Если Паскаль признавал неправильность объяснения, он старался придумать свое собственное. Однажды за обедом один из гостей ударил ножом по фаянсовой тарелке, причем раздался протяжный музыкальный звук, но, как только на тарелку положили руку, звук оборвался. Паскаль удивился и потребовал объяснения. Не получив его, он сам стал делать опыты и составил о них заметки, дав им громкое название “Трактат о звуках”. В то

время Паскалю было двенадцать лет. Еще раньше произошло событие, обнаружившее изумительные математические способности его.

Отец Паскаля сам много занимался математикой и любил собирать у себя в доме математиков. Но, составив план занятий сына, он отложил математику до тех пор, пока сын не усовершенствуется в латыни. Зная любознательность Блеза, отец тщательно прятал от него все математические сочинения и при нем никогда не вел с друзьями математических бесед. Когда мальчик просил учить его математике, отец обещал это в виде награды в будущем. Юный Паскаль просил отца объяснить, по крайней мере, что за наука геометрия? “Геометрия, – ответил отец, – есть наука, дающая средство правильно чертить фигуры и находить отношения, существующие между этими фигурами”.

Двенадцатилетний мальчик задумался над этим определением. Размышления овладели им до такой степени, что в часы отдыха, находясь в зале, где он обыкновенно играл, Паскаль стал заниматься черчением фигур, даже не зная их настоящих названий. Он рисовал углем прямые линии, называя их “палками”, чертил круги, стараясь сделать их по возможности правильными, и называл их “кольцами”; затем стал доискиваться, какие пропорции существуют между фигурами и частями фигур. Ища доказательств найденных им путем измерения свойств, Паскаль составлял свои теоремы и аксиомы и мало-помалу дошел до тридцати второй теоре-

мы первой книги Евклида, гласящей, что сумма внутренних углов треугольника равна двум прямым углам.

Как раз в тот момент, когда Паскаль оканчивал доказательство этой теоремы, в комнату вошел отец, ничего не подозревавший о занятиях сына. Сын, в свою очередь, был так погружен в размышления, что долго не замечал присутствия отца. Трудно сказать, кто из двух был более ошеломлен: сын ли, застигнутый врасплох за недозволенным занятием, или отец, увидевший нарисованные сыном фигуры. Но изумлению отца не было предела, когда сын сознался, что старается доказать основное свойство треугольника.

– Каким образом ты додумался до этого? – спросил наконец отец.

– А вот как: я нашел сначала вот что, – и сын привел теорему, касающуюся свойств внешнего угла треугольника. – А это я узнал вот как, – и последовал ряд доказательств. Идя таким путем и говоря, например, что “две вместе взятые палки в фигуре из трех палок длиннее третьей палки”, юный Паскаль объяснил отцу все открытые им свойства “палок и колец” и наконец дошел до своих определений и аксиом.

Отец Паскаля был не только удивлен, но испуган силою этого детского ума. Не ответив сыну ни слова, он вышел из комнаты и отправился к своему приятелю Ле Пальеру, человеку ученому и расположенному к его семье. Видя крайнее волнение отца Паскаля, заметив у него даже слезы на глазах, Ле Пальер испугался и просил сказать скорее, что слу-

чилось?

– Я плачу не от огорчения, но от радости, – сказал Эгьен Паскаль. – Вы знаете, как тщательно скрывал я от моего сына книги по математике, чтобы не отвлечь его от других занятий, но посмотрите, что он сделал.

И счастливый отец повел к себе Ле Пальера. Тот был изумлен не менее самого отца и сказал:

– По моему мнению, нельзя долее держать этот ум взаперти и скрывать от него эту науку. Надо сейчас дать ему книги.

Отец Паскаля дал сыну Евклидовы “Начала”, позволив читать их в часы отдыха. Мальчик прочел Евклидову “Геометрию” сам, ни разу не попросив объяснения. Не довольствуясь прочитанным, он дополнял и сочинял. Можно поэтому сказать без всякого преувеличения, что Паскаль вторично изобрел геометрию древних, созданную целыми поколениями египетских и греческих ученых. Это факт беспримерный даже в биографиях величайших математиков. Клеро на восемнадцатом году жизни писал замечательные трактаты, но он имел хорошую подготовку, да и восемнадцать лет не то, что двенадцать. Способности одного из величайших математиков всех времен – Ньютона развились сравнительно поздно. Из всех великих ученых Паскаль более кого бы то ни было имеет право на титул преждевременно развившегося и столь же преждевременно погибшего гения.

ГЛАВА II

Первые научные работы. – Начало Французской академии наук. – Арифметическая машина

Собрания, проходившие у отца Паскаля и у некоторых из его приятелей, например у Мерсенна, Роберваля, Каркави и других, приняли характер правильных ученых заседаний. Раз в неделю математики, примыкавшие к кружку Этьена Паскаля, собирались, чтобы читать сочинения членов кружка, предлагать разные вопросы и задачи. Иногда читались также присланные заграничными учеными записки. Деятельность этого скромного частного общества или, скорее, приятельского кружка стала началом будущей славной Парижской академии. В 1666 году, уже по смерти обоих Паскалей, французское правительство официально признало существование общества, успевшего приобрести прочную репутацию во всем ученом мире.

С шестнадцатилетнего возраста молодой Паскаль также стал принимать деятельное участие в занятиях кружка. Он был уже настолько силен в математике, что овладел почти всеми известными в то время методами, и среди членов, наиболее часто доставлявших новые сообщения, он был одним из первых. Не только его отец, но и гордый, завистливый математик Роберваль (изобретатель известных весов) и другие

члены кружка удивлялись способностям юноши. Силен был Паскаль и в критике чужих произведений. Очень часто из Италии и Германии присылались задачи и теоремы, и если в присланном была какая-либо ошибка, Паскаль одним из первых замечал ее.

Шестнадцати лет Паскаль написал весьма замечательный трактат о конических сечениях (то есть о кривых линиях, получающихся при пересечении конуса плоскостью, – таковы эллипс, парабола и гипербола). От этого трактата, к сожалению, уцелел лишь отрывок. Родственники и приятели Паскаля утверждали, что “со времен Архимеда в области геометрии не было сделано подобных умственных усилий” – отзыв преувеличенный, но вызванный удивлением к необычайной молодости автора. Некоторые открытые Паскалем теоремы действительно весьма замечательны. Паскалю советовали тогда же напечатать это сочинение, но он откладывал, быть может, потому, что хотел создать нечто более замечательное. Сестра его уверяет, что брат поступил так из скромности, хотя это довольно сомнительно, потому что излишняя скромность явилась у Паскаля лишь в конце жизни.

Гордясь необыкновенными способностями сына, старший Паскаль почти не вмешивался в его математические работы, в которых сын вскоре опередил отца; но отец продолжал заниматься с Паскалем древними языками, логикой и физикой, которая в то время считалась не столько опытной наукой, сколько частью философии.

Усиленные занятия вскоре подорвали и без того слабое здоровье Паскаля. В восемнадцать лет он уже постоянно жаловался на головную боль, на что первоначально не обращали особого внимания. Но окончательно расстроилось здоровье Паскаля во время чрезмерных работ над изобретенной им арифметической машиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.